

DOI: 10.31857/S0321507524100095

Эволюция военно-политического сотрудничества США и Катара: от соглашения в области безопасности до стратегического партнерства

© Дорошенко Г.А.^a, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0009-0005-4399-4185; glebdoroshenko12@yandex.ru

Резюме. В последние годы Россия уделяет особое внимание сотрудничеству с арабскими монархиями Персидского залива. Несмотря на давление США, стран Запада, государства региона не присоединились к дипломатическому прессингу и санкционным режимам. Однако не все монархии Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в равной степени открыты к углублению взаимодействия с РФ. Так, более сдержанную позицию по вопросам сотрудничества с Москвой занимает Катар. Здесь сказывается значение такого фактора, как особые отношения, которые связывают Доху и Вашингтон.

В этих условиях для разработки реалистичной и успешной линии по дальнейшему продвижению российских интересов в регионе Персидского залива требуется точное представление о нынешнем состоянии и перспективах эволюции связей США и Катара. В исследовании рассматриваются последствия развития американо-катарских отношений для Ближнего Востока. Дается прогноз дальнейшей эволюции этих отношений под углом зрения значения этого фактора для региона и продвижения российских интересов.

Ключевые слова: США, Катар, политика на Ближнем Востоке, союзнические отношения, ССАГПЗ

Для цитирования: Дорошенко Г.А. Эволюция военно-политического сотрудничества США и Катара: от соглашения в области безопасности до стратегического партнерства *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 10. С. 75–82. DOI: 10.31857/S0321507524100095

The Evolution of US-Qatar Political-Military Co-operation: From a Security Agreement to a Strategic Partnership

© Gleb A. Doroshenko^a, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0005-4399-4185; glebdoroshenko12@yandex.ru

Abstract. In recent years, Russia has paid special attention to co-operation with the Arab monarchies of the Gulf. Despite pressure from the United States and Western countries, the states of the region have not joined the diplomatic pressure and sanctions regimes.

However, not all countries from the Gulf Cooperation Council (GCC) are equally open to deepening co-operation with Russia. For example, Qatar has a more restrained stance on cooperation with Moscow. This is due to special relationship between Doha and Washington.

Moments that have contributed to the formation of an essentially allied relationship between the two states are highlighted. Regional situations in which Washington and Doha have acted as close and trusting partners are examined. The study also examines the implications of the evolving of US-Qatar relations for the Middle East.

Keywords: USA, Qatar, Middle East policy, alliance relations, GCC

For citation: Gleb A. Doroshenko. The Evolution of US-Qatar Political-Military Co-operation: From a Security Agreement to a Strategic Partnership. *Asia and Africa today*. 2024. № 10. Pp. 75–82. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524100095

ВВЕДЕНИЕ

С учётом нынешней геополитической обстановки, развитие сотрудничества России со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) приобретает всё более важное значение. Созданный в мае 1981 г. ССАГПЗ – это региональная международная политическая и экономическая организация, объединяющая шесть арабских государств региона Персидского залива.

Обострение противоречий Москвы с Западом, разворот внешней политики и торгово-экономических связей РФ в сторону Востока, возрастание роли взаимодействия между государствами в энергетической сфере, в т.ч. в вопросах согласования цен на энергоносители, – это основные, хотя и не единственные причины заинтересованности России в дальнейшем углублении отношений со странами ССАГПЗ. Возможности для этого есть. Показательно уже то, что члены ССАГПЗ, несмотря на давление США, не присоединились к режиму санкций и наращивают объёмы взаимодействия с Россией.

Однако не со всеми государствами ССАГПЗ у России получается активно развивать отношения. Это, прежде всего, относится к Катару, который приоритетное значение придает своим стратегическим отношениям с США. США претендуют на роль главного внерегионального актора в ближневосточном регионе. Одной из причин, почему Вашингтону удается сохранять влияние, является адаптация американской стратегии к изменениям, происходящим в регионе. В эту стратегию в том числе и входит модификация политики США в отношении государств в зависимости от динамики их положения в региональной структуре. Иными словами, Вашингтон регулярно пытается использовать государства, обладающие ситуативным влиянием, для реализации своих региональных целей.

Катар, как малое государство, после серии вызовов безопасности, возникших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (танкерная война, вторжение Ирака в Кувейт), был заинтересован в поиске гаранта безопасности. Приоритет был отдан США – в 1992 г. был заключен военный договор между США и Катаром. С подписанием этого документа было формализовано присутствие на территории эмирата американских военных, которые в тот момент располагались на военной базе «Кэмп Снупи», примыкавшей к старому международному аэропорту Дохи [1].

Можно условно выделить два этапа отношений между США и Катаром. На первом этапе (1992–2011) отношения между странами и их ожидания от этого взаимодействия преимущественно базировались на положениях военного договора. Логика этого взаимодействия сводилась к следующему тезису: США обеспечивали безопасность, а руководство Катара осуществляло ряд действий, направленных на выражение поддержки региональных политических инициатив Вашингтона, которые не пользовались популярностью в регионе.

На втором этапе (2011–2024), благодаря повышению региональной роли и активности Катара, американцы, видя потенциал эмирата в реализации их интересов, пошли на расширение взаимодействия с Катаром, что было закреплено развитием институциональной базы отношений, поднятием её до уровня партнерства.

ПРИОРИТЕТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США И КАТАРА ДО СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Со времени установления дипломатических отношений в 1972 г. до заключения соглашения в области безопасности в 1992 г. США и Катар взаимодействовали в довольно скромных масштабах. Важность соглашения 1992 г. с Катаром для США определялась тем, что оно давало Вашингтону возможность формальным образом закрепить своё присутствие в стратегически важном регионе. Катару оно позволяло решить вопрос обеспечения безопасности и уравнивания влияния КСА [2].

Личный контакт, который был установлен между эмиром Хамадом бин Халифой Аль Тани и представителями США, сыграл значимую роль и во внутренней политической ситуации Катара, и в дальнейшей опоре эмирата на сотрудничество с США. В Катаре, благодаря позиции эмира Хамада, седьмого эмира Катара (1995–2013), никогда не было ни внутриэлитной, ни гражданской оппозиции по отношению к союзу с США. Эмир Хамад, который пришёл к власти в результате свержения своего отца, эмира Халифы бин Хамада Аль Тани, в 1995 г., в 1996 и 2002 гг. смог подавить контрперевороты, поддержанные Саудовской Аравией [3]. В 1996 г. после подавления переворота вооруженные силы (ВС)

США провели совместные военные учения с ВС Катара, тем самым символически подчеркнув, что они поддерживают нового эмира [3]. Очевидно, что такая помощь США не могла остаться без ответных действий со стороны Катара, в результате чего в последующие годы в политике эмирата стал всё больше заметен проамериканский вектор.

В 1996 г. в Катаре закончилось строительство авиабазы «Аль-Удейд», куда был впоследствии передислоцирован американский воинский контингент, находящийся в эмирате. Численность американских военных на базе регулярно увеличивалась, по состоянию на 2024 г. их около 10 тыс. человек [4]. Примечательно, что на момент строительства авиабазы в составе армии Катара не было подразделения военно-воздушных сил (ВВС). База была не только построена полностью за счет Катара (её стоимость составила \$1 млрд), но и ежегодно катарская сторона покрывала до 50–60% всех расходов на содержании американских ВС на своей территории [5]. В 2000 г. в эмирате была дополнительно открыта база «Кэмп ас-Сайлия», которая на тот момент стала крупнейшим полигоном предварительного базирования вне территории США, на котором размещалась достаточно техники для полного оснащения бронетанковой бригады армии США [3].

Особое отношение к размещению американских военных выразилось и в отсутствии дополнительных требований, которые, например, выдвигались ВС США при использовании авиабазы имени принца Султана в КСА. В начале операции в Афганистане в 2001 г. Саудовская Аравия отказалась разрешить США использовать авиабазу на своей территории для проведения наступательных воздушных операций, разрешив лишь координировать воздушные атаки, начатые с территории других стран. В итоге это привело к переносу Центра воздушных операций США на Ближнем Востоке в 2003 г. на базу «Аль-Удейд» в Катаре, где он находится и в настоящее время.

Отдельной областью выражения поддержки действиям США стала политическая сфера. Руководство Катара стало одним из немногих, кто публично поддерживал и имплементировал некоторые преобразования в рамках американской крайне непопулярной концепции по т.н. демократизации региона Большой Ближний Восток. В Катаре в этот период были проведены некоторые символические преобразования, которые тем не менее привели к благосклонной оценке этих усилий президентом США Дж.Бушем-младшим, назвавшим эмира Хамада «реформатором», а Катар – государством, «где мы видим выборы, защиту прав женщин и пробуждение политического плюрализма» [6].

Насколько все эти преобразования были точечными и не меняющими политической сути режима, свидетельствует тот факт, что первые выборы в Совет Шуры (законодательный орган власти, имеющий ограниченные полномочия) состоялись только в 2021 г., т.е. спустя 18 лет после того, как было объявлено, что этот орган власти стал на 2/3 избираемым. Также в этот период Катар стал активнее вовлекаться во внешнеполитические дела, особенно в ситуации, где эмират мог выступить посредником в разрешении конфликта. Среди таких примеров того периода: посредничество в заключении соглашения между Суданом и Эритреей в 1999 г.; заключение соглашения в Дохе в 2008 г. между «Хезболлой» и ливанскими фракциями, завершившее 18-месячный политический кризис в Ливане; посредничество в урегулировании пограничного конфликта между Эритреей и Джибути в 2010 г.

Отдельно стоит отметить встречу представителей МИД Катара и Израиля в Париже, произошедшую в 2003 г. во время второй интифады (2000–2005) и спустя неделю после визита эмира Катара в Вашингтон. Встреча была призвана способствовать активизации диалога между Израилем и арабским миром в таком разрешении палестинского кризиса, которое бы в максимально выгодной степени отвечало интересам американо-израильской стороны [7].

Таким образом, отношения США и Катара в период с 1992 по 2011 г. преимущественно базировались на соглашении от 1992 г. США предоставили Катару военные услуги в обмен на лояльность и поддержку их политических действий в регионе.

ПРИМЕРЫ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США И КАТАРА

Главной причиной, изменившей характер отношений между сторонами, стали события «арабской весны». Для США протесты в регионе стали угрозой для реализации обновленной при Б.Обаме внешнеполитической стратегии.

Представители США оказались перед выбором между поддержкой протестующих, чьи лозунги во многом соответствовали заявлениям США по т.н. «демократизации региона», и игнорированием ситуации по причине наличия политического интереса в сохранении существующего статус-кво. Показательным примером «двойного стандарта» в американской ближневосточной политике в этот период стало протестное движение в Бахрейне, которое было насильственно подавлено при помощи сил безопасности Саудовской Аравии и ОАЭ. США, у которых в Бахрейне расположена база 5-го военно-морского флота, весьма сдержанно и с задержкой прореагировали на это насильственное подавление.

Для Катара же, наоборот, события «арабской весны» стали периодом, когда эмират значительно повысил свое региональное влияние. Эмират в региональных конфликтах этого периода сделал ставку на поддержку исламистов. В большинстве конфликтов именно эти силы оказались наиболее боеспособными участниками политического процесса, что позволило руководству Катара оказывать существенное влияние на развитие ситуации в этих странах.

Сотрудничество США с Катаром в этот период было наиболее заметно на примере конфликтов в Ливии и Сирии. В начале проведения операции в Ливии США уделили особое внимание вопросу легитимизации интервенции со стороны США и их союзников.

В данном контексте Катар выступил инициатором борьбы с режимом М.Каддафи, сумев консолидировать позиции арабских стран для поддержки резолюции Совета Безопасности ООН [8]. Важную роль при проведении операции в Ливии играла и работа представителей Катара с исламистами. Эмират провел несколько операций «на земле», которые по ряду причин не могли выполнить США или представители других западных стран [8].

Схожая модель сотрудничества была продолжена и в случае сирийского конфликта. Катарские дипломаты на всех саммитах предлагали придерживаться жесткой линии в отношении действующего в Сирии режима, в т.ч. допуская необходимость создания арабского миротворческого корпуса, который должен был помочь боевым отрядам, боровшимся с правительственными силами [9]. Кроме того, Катар помогал оппонентам Б.Асада финансово, логистически и долгое время выступал одним из главных поставщиков оружия. В частности, отмечалось, что в период с апреля 2012 г. по апрель 2013 г. в Турции (откуда происходила транспортировка оружия сирийским повстанцам) приземлились более 90 военных грузовых самолетов из Катара [10].

Таким образом, конфликты в Ливии и Сирии стали первыми примерами сотрудничества между США и Катаром, в котором представители эмирата выполняли некоторые важные задачи, способствующие достижению целей США в рамках этих конфликтов. В обоих случаях Катар выполнял функцию организатора давления со стороны арабского мира на режимы в этих странах, что, по задумке, должно было легитимизировать действия США, то есть представить их не как великодержавное стремление продиктовать свою волю, а как консолидированное благое намерение, якобы поддержанное самими странами региона.

В 2011 г. также обозначился афганский вектор сотрудничества США и Катара. Эмират выступил посредником в налаживании диалога между афганским правительством и движением «Талибан», что привело к открытию политического офиса организации в Дохе. Важную роль в установлении связей между представителями США и руководством «Талибана» сыграли несколько обменов пленными, проведенных при посредничестве Катара. Особенно важным стал обмен с участием сети Хаккани, который произошел накануне подписания Дохийского соглашения между США и «Талибаном» в 2020 г. [11].

Катар сыграл роль и при непосредственном выводе войск США из Афганистана. Катарские специалисты приняли участие в эвакуации более 75 тыс. человек, а территория эмирата стала главным местом назначения всех т.н. гуманитарных и логистических рейсов из Афганистана в период с августа по сентябрь 2021 г.

Сразу после завершения процедуры эвакуации американского персонала из Афганистана Катар был назначен представителем интересов США на территории государства [12]. Это назначение не только закрепило важную роль, которую выполнял эмират в действиях США в Афганистане на протяжении десятилетия, но и обозначило официальную готовность Вашингтона делегировать ряд внешнеполитических задач для исполнения катарским представителям. А в январе 2022 г. Катару был присвоен ста-

тус «основного союзника вне НАТО», который формально закрепил новый статус отношений между государствами.

В контексте развития институциональной базы отношений необходимо упомянуть и запуск «Стратегического диалога» в январе 2018 г., целью создания которого была институционализация обсуждения вопросов безопасности. Например, в январе 2018 г. США и Катар объявили о подписании символической декларации, в которой стороны подтвердили приверженность укреплению стабильности в регионе и необходимости противодействовать терроризму. Но на деле этот документ был призван не столько укреплять региональную стабильность в целом, сколько способствовать скорейшему разрешению дипломатического кризиса между союзниками США в регионе, из-за которого Вашингтон испытывал некоторые военно-политические неудобства.

Одним из последствий кризиса внутри ССАГПЗ в 2017–2021 гг. стала активизация отношений Катара с Ираном, который в первые годы кризиса выступил важным альтернативным каналом поставок товаров в эмират [13]. Это привело к тому, что начиная с 2019 г. стали появляться сообщения о посредничестве представителей Катара при контактах США и Ирана. В СМИ подчеркивалась роль Катара в снижении эскалации в зоне Персидского залива в 2019 г. и попытка представителей эмирата установить контакт между администрацией Дж.Байдена и иранскими чиновниками по поводу потенциального возобновления ядерной сделки [14]. Кроме того, роль Катара была официально отмечена при обмене пленными между американской и иранской сторонами в сентябре 2023 г. [15].

Все эти факты выполнения посреднических функций эмиратом свидетельствуют о том, что Катар предложил альтернативу традиционному оманскому посредничеству в отношениях с Тегераном. Учитывая более тесные связи Вашингтона с Дохой, чем с Маскатом, это может быть использовано американскими представителями.

Вопрос о сотрудничестве Катара с палестинской организацией ХАМАС, который долгие годы был проблемным в американо-катарских отношениях, получил новое развитие после октября 2023 г., когда Катар, который в то же время негласно поддерживал контакты на уровне специальных служб с Израилем, стал одним из главных посредников в конфликте [16]. Благодаря этому, представители США сохранили возможность остаться вовлеченными в разрешение этого конфликта, поскольку через катарских представителей они могут участвовать в переговорном процессе. Это влияние стало заметно уже в первые недели конфликта, когда при посредничестве Катара первыми освобожденными заложниками стали именно американские граждане.

О понимании США ведущей роли Катара в этом конфликте свидетельствует и статистика активизации контактов американских чиновников с катарскими после октября 2023 г.

Между октябрем 2023 г. и августом 2024 г. только между главами США и Катара состоялось 9 телефонных разговоров (еще 1 телефонный разговор состоялся между вице-президентом США К.Харрис и эмиром Катара). Кроме этого, сразу ряд высокопоставленных американских чиновников (например, госсекретарь США Э.Блинкен, директор ЦРУ У.Бёрнс, советник президента США по национальной безопасности Дж.Салливан) провели по несколько встреч с катарскими представителями, в т.ч. и в Дохе.

Еще одним примером использования Вашингтоном посреднических возможностей Катара стало вовлечение эмирата в развитие диалога между США и Венесуэлой. Первые сообщения о роли Катара в этом направлении стали появляться в СМИ летом 2023 г. [17], а уже в декабре 2023 г. МИД Катара объявил, что при их посредничестве удалось добиться обмена заключенными между сторонами. Эта ситуация стала первым примером взаимодействия между США и Катаром вне Ближнего Востока и прилегающих к нему регионов.

ФАКТОР США В ОТНОШЕНИЯХ КАТАРА И РОССИИ

В контексте рассмотрения отношений США и Катара на данном этапе невозможно игнорировать позицию эмирата в отношении конфликта России и Украины. Катар публично придерживается позиции нейтралитета, призывая стороны к прекращению боевых действий и решению всех вопросов мирными средствами. Тем не менее есть несколько положений, которые свидетельствуют о более критической

позиции Катар в отношении действий Москвы, чем у других стран региона (например, Саудовской Аравии или ОАЭ).

Во-первых, при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН Катар проголосовал против позиции России во всех 6 резолюциях, касающихся этого конфликта, кроме одной (Катар воздержался в голосовании по резолюции, призывающей исключить Россию из Совета ООН по правам человека). Показательными стали результаты голосования по резолюции *ES-11/5*, призывающей Россию выплатить репарации Украине. Из всех стран ССАГПЗ только Катар и Кувейт проголосовали за принятие этой резолюции.

Во-вторых, Катар регулярно выделяет гуманитарную помощь Украине. В июле 2023 г. после визита премьер-министра Катара в Киев стало известно, что эмират выделил \$100 млн для поддержки здравоохранения, образования и на разминирование территорий [18].

Наконец, необходимо проанализировать экономическую сторону вопроса. В отличие от ОАЭ, которые с начала СВО получили большую выгоду от сотрудничества с Россией, переориентация российского внешнеполитического вектора абсолютно не сказалась на двустороннем экономическом взаимодействии России и Катара, которое продолжает оставаться на низком уровне.

К тому же именно Катар стал одним из новых экспортеров газа в Европу вместо России. Конкуренция между Москвой и Дохой в энергетической сфере стала заметной [19].

Но, несмотря на наличие конкуренции в энергетической сфере и существенного ограничения в виде союзнических отношений Катара и США, Россия на протяжении последних лет последовательно стремится развивать свои отношения с эмиратом.

За последние годы состоялось несколько знаковых встреч на высшем уровне: в июне 2023 г. в Москве президент России принял премьер-министра Катара Мухаммеда Аль Тани, а в июне 2024 г. на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Астане, в котором эмират участвовал в статусе партнера по диалогу, состоялась встреча В.Путина с эмиром Катара. Немаловажной деталью, свидетельствующей о дружеском характере отношений между странами, стал и телефонный звонок эмира Катара президенту России после неудавшейся попытки вооруженного мятежа 24 июня 2023 г.

В рамках начала российско-катарских переговоров в июне 2024 г. президент России отметил некоторые перспективные направления взаимодействия между странами. Так, В.Путин выделил инвестиционное сотрудничество (Катар – крупнейший арабский инвестор в российскую экономику) и возможное подключение эмирата к реализации проекта транспортного коридора «Север – Юг»¹.

В политико-дипломатической сфере президент России выделил палестино-израильский конфликт, в котором у Москвы и у Дохи во многом схожее видение разрешения этого конфликта. Отдельно В.Путин отметил гуманитарную политику эмирата, в частности, систематическую помощь представителей Катара в вопросе возвращения в семьи детей, разлученных с родными в связи с украинским кризисом.

Регулярно проходят встречи с представителями эмирата на уровне спецпредставителя президента России по Ближнему Востоку и странам Африки М.Богданова и министра иностранных дел С.Лаврова. Отдельно стоит отметить и присутствие катарских делегаций на различных площадках на территории России (например, на Петербургском международном экономическом форуме).

Взаимодействие с Катаром осуществляется и по линии стратегического диалога Россия – ССАГПЗ, проходящего на министерском уровне. 6-й стратегический диалог состоялся в июле 2023 г. в Москве, и по его итогу было оформлено совместное заявление, касающееся ряда региональных и международных вопросов.

На мероприятии был одобрен Совместный план действий по стратегическому диалогу Россия – ССАГПЗ на период с 2023 по 2028 г., который предусматривает укрепление политического диалога, развитие торговых и инвестиционных связей, а также активизацию культурных и образовательных контактов.

7-й саммит Россия – ССАГПЗ состоялся 9 сентября 2024 г. в Эр-Рияде. На этом мероприятии глава МИД РФ С.Лавров заявил, что укрепление сотрудничества с государствами ССАГПЗ является одним

¹ Встреча с Эмиром Катара Тамимом Бен Хамадом Аль Тани. *Kremlin.ru*. 04.07.2024.

из приоритетных направлений российской внешней политики. Была подтверждена общая заинтересованность в дальнейшем развитии и диверсификации деловых и культурно-гуманитарных связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения США и Катара за последние 30 лет эволюционировали с ограниченного сотрудничества в отдельных областях в целенаправленное взаимодействие, которое носит долгосрочный, непрерывный характер и осуществляется прежде всего в политической и военной сферах. Рубежным событием, разделившим эти два этапа, стала «арабская весна», в ходе которой, с одной стороны, уменьшилось политическое влияние США в регионе, а с другой – Катар смог повысить свою региональную значимость.

Осознав уязвимость стратегии тотального присутствия в ближневосточной политике, американское руководство в 2010-х гг. решило снизить степень непосредственной вовлеченности США в дела региона и больше внимания уделять взаимодействию с региональными акторами, которые периодически используют Вашингтон для продвижения своих интересов. Учитывая историю отношений с Катаром и внезапно повысившийся региональный вес эмирата, углубление сотрудничества с Дохой в тот момент выглядело весьма перспективным для реализации такой стратегии.

В свою очередь, Катар, на протяжении 1990-х – 2000-х гг. по ряду причин боровшийся за положение «первого среди равных» для США в регионе, смог наконец его добиться. Это позволяет руководству эмирата уравнивать влияние других региональных игроков и на фундаменте политических контактов с США расширять свое политико-дипломатическое влияние в регионе.

В обозримом будущем, вероятно, США и Катар продолжают сохранять союзнический формат отношений. Тем более что регулярно появляются сообщения о новых контактах и совместных проектах между сторонами. Так, например, в начале марта 2024 г. состоялся 6-й «Стратегический диалог» между США и Катаром.

Однако представляется интересным в будущем посмотреть на влияние энергетического фактора на отношения между странами. Несмотря на активизацию поставок газа в Европу после начала СВО, для Катара основным рынком сбыта энергетической продукции остаётся азиатский. Поскольку экономика Катара критически зависит от доходов, получаемых от продажи энергетических ресурсов, при изменениях конъюнктуры рынка это может привести к переориентации политических приоритетов Катара на большее тесное сотрудничество со странами Азии. Также стоит учитывать возможную конкуренцию на рынке природного газа в целом, учитывая стратегию США по активизации своего газового потенциала к середине 2020-х гг.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. U.S. downsizing in Gulf, quitting Camp Snoopy. *World Tribune*. 13.05.2003. http://worldtribune.com/worldtribune/WTARC/2003/ss_military_05_12.html (accessed 07.09.2024)
2. Pollack K. 2003. Securing the Gulf. *Foreign Affairs*. Vol. 82. № 4. Pp. 2–16.
3. Peck M. 2007. *Historical Dictionary of the Gulf Arab States*. Scarecrow Press. 541 p.
4. Kilani H. U.S. reaches agreement with Qatar to keep operating largest military base in Middle East for 10 more years: report. *Doha News*. 03.01.2024.
5. Roberts D. 2017. *Qatar: Securing the Global Ambitions of a City-State*. Hurst. 356 p.
6. President Bush Discusses Importance of Democracy in Middle East. 2004. <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/02/20040204-4.html> (accessed 13.04.2024)
7. Blanchard C. Qatar: background and US relations. 2008. <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA486295.pdf> (accessed 10.04.2024)
8. Chorin E. 2012. *Exit the Colonel: The Hidden History of the Libyan Revolution*. Public Affairs. 384 p.
9. Lesch D. 2012. *Syria: The Fall of the House of Assad*. Yale University Press. 288 p.
10. Bakr A., Karouny M. Qatar, allies tighten coordination of arms flows to Syria. *Reuters*. 14.05.2013.
11. Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. 2021. <https://everycrsreport.com/reports/R44533.html> (accessed 17.03.2024)
12. Pamuk H., Landay J. Blinken says Qatar to act as U.S. diplomatic representative in Afghanistan. *Reuters*. 12.11.2021.
13. Sudetic B., Cafiero G. Iranian-Qatari Relations After Al-Ula. *Carnegie Endowment for International Peace*. 01.02.2021.

14. Hafezi P., Landay J., Mohammed A. Exclusive: Qatar held separate talks with US, Iran touching on nuclear, drones. *Reuters*. 20.09.2023.
15. Biden thanks Qatar's emir for rare Iran-US prisoner swap deal. *Al-Jazeera*. 03.10.2023.
16. Rahman O., Ulrichsen K. Condemning Qatar is Counterproductive. Middle East Council on Global Affairs. 15.02.2024.
17. Mamedov E. Qatar emerges as go-between on frozen US-Venezuela front. *Responsible Statecraft*. 06.07.2023.
18. Cafiero J. Qatar's careful balance between Ukraine and Russia. *Doha News*. 09.08.2023.
19. Mroue B. Qatar replaces Russian company in Lebanon gas exploration. *Associated Press News*. 29.01.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дорошенко Глеб Андреевич, аспирант, факультет
мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия.

Gleb A. Doroshenko, Post-graduate student, Faculty of
World Economy and International Affairs, HSE Univer-
sity, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.05.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.07.2024

Принята к публикации
(Accepted) 06.09.2024